

Проблема изучения черногорского законодательства начала XX в.: нормативный и социологический подходы

История черногорской государственности весьма противоречива. С одной стороны, многие черногорцы убеждены, что в прошлом всегда были независимы и никогда не признавали над собой власть Османской империи, которая покорила почти весь Балканский полуостров. С другой стороны, стержнем своей национальной истории народ считал многовековую борьбу за свободу от турецкого ига. В 1852 г. Черногория была провозглашена княжеством, а в 1878 г. суверенитет этого государства был признан международным сообществом. Однако деньги на строительство и содержание государственного аппарата регулярно поступали из Российской империи, что ставило под сомнение самостоятельность княжеского правительства в принятии внутри- и внешнеполитических решений. Такую же противоречивость приходится отмечать, когда речь заходит о развитии черногорского законодательства в XIX — начале XX вв. Правотворческий процесс шел постоянно и энергично, власть издавала один правовой акт за другим. Но в полном объеме добиться практического применения законов и окончательного вытеснения с их помощью племенных обычаев так и не удалось. Трудно однозначно оценить итоги развития национальной системы права в указанный исторический период. Поэтому историкам недостаточно просто изучать тексты законов и искать в них информацию о становлении и трансформациях черногорской государственности. Есть необходимость теоретического осмысления этого материала с помощью тех методов научного исследования, которыми оперирует современная юриспруденция.

К началу XX в. в европейской юридической науке сложилось несколько теоретических подходов к пониманию права. Из теории естественного права, рожденной Новым временем, выкристаллизовался философский подход, провозгласивший главной ценностью в законодательной практике государства свободу и справедливость. Активно развивалась и получала всё большее признание психологическая теория права (Л.И. Петражицкий), сторонники которой обратили внимание на широкие возможности ее использования в юридической практике. Самым подходящим для выполнения всех функций права, в первую очередь инструментальной, многие правоведы считали нормативный (нормативистский) подход. Приверженцы нормативного подхода, сформулированного австрийским ученым Гансом Кельзеном, были убеждены, что писаное право и иерархия правовых норм — это универсальный механизм создания и обновления законодательства. Он одинаково хорош и для граждан, и для государства. Гражданам нормативный подход удобен тем, что предлагает ясно сформулированные публичные законы, с которыми каждый имеет возможность ознакомиться, чтобы понимать свои права и обязанности. Государству нормативный подход позволяет с помощью рациональных, логично обоснованных и сгруппированных по отраслям норм права эффективно управлять обществом. Но у нормативного подхода есть существенный недостаток. Однажды написанный и принятый закон рано или поздно устаревает и перестает отвечать новым условиям общественного развития. Отставшее от жизни материальное и процессуальное право становится тормозом на пути прогресса. В рамках научной школы «свободного права» (Е. Эрлих, Э. Фукс, Ф. Жени и др.) уже во второй половине XIX в. сложился социологический подход, ставший весьма популярным в XX веке. Его сторонники были уверены, что право следует искать не в законах, а в самой жизни. Законодательство подобно пустому сосуду, который еще предстоит наполнить справедливыми правилами, отвечающими интересам граждан. Делать это должны судьи и администраторы, которые обязаны принимать решения с учетом меняющейся жизни. Таким образом, закон не превратится в догму и будет защищать справедливость. Социологический подход давал воз-

возможность оперативно устранять пробелы в законодательстве, редактировать неудачные формулировки, изымать устаревшие нормы права. Однако для общества в целом социологический подход может быть опасен. Когда законы меняются слишком часто, возникают путаница и сумятица, открываются лазейки для нарушителей, есть возможность произвола со стороны судей и администраторов. Чрезмерное увлечение социологическим подходом чревато правовым нигилизмом. Стараясь преодолеть ограниченность каждой из перечисленных концепций, правоведы говорят о необходимости интегративного подхода, который не является простым соединением всех вышеперечисленных позиций. Речь идет о том, чтобы постоянно совершенствовать форму и содержание законов, искать существенные признаки права, обеспечивающие в нормативных актах, в правовых отношениях и в правосознании те самые свободу и справедливость, к которым стремится любое общество.

Молодое Черногорское княжество стремительно продвигалось по пути строительства современной государственности, стараясь как можно скорее уйти от племенных форм организации общества. Задача создания законодательства, способствующего эффективной модернизации страны, была весьма актуальной. Возможно поэтому правовому развитию Черногорского княжества ученые уделяли большое внимание, начиная с того момента, как началось создание писаного права, и до сегодняшнего дня¹. Но эти исследования носили, в основном, конкретно-исторический характер. Попробуем к истории законотворчества в Черногории применить два наиболее распространенных в правоведении теоретических подхода к пониманию права — нормативный и социологический, чтобы максимально точно определить успехи страны в этом направлении.

С нормативистских позиций можно говорить о существенных достижениях черногорских властей в деле создания позитивного права, то есть исходящего от государства и действующего в данный момент. За короткий срок были разработаны нормативно-правовые акты, первоочередная цель которых заключалась в том, чтобы вытеснить из повседневной жизни противоречившие принципам государственного строительства правовые обычаи.

Со времени правления владыки Петра I Негоша (1782–1830 гг.) и князя Данилы (1852–1860 гг.) была существенно ограничена кровная месть. При князе Николе (1860–1918 гг.) она была полностью запрещена в административном порядке; за нарушение закона грозило суровое наказание вплоть до смертной казни². Однако с точки зрения социологического подхода, успехи власти в борьбе с самосудом и мезтью выглядели весьма скромно. Убийства на почве кровной мести продолжались и происходили довольно часто. «В Черногории закон абсолютно не допускает кровной мести, но тем не менее народ, частью по старой привычке, частью вследствие неудовлетворительности судов, всё еще прибегает к мести как к средству вознаградить себя за притерпенную обиду или потерю свою личную и близкого человека, и чтобы оградить себя от того же впредь», — констатировал русский славист П.А. Ровинский, проживший в Княжестве более 20 лет³. Как видим, предписания закона и административных органов не стали главным и непререкаемым регулятором общественных отношений.

Значительным этапом в истории черногорского государства стала проведенная В. Богишичем в 80-х годах XIX в. систематизация норм имущественного права⁴. Содержание Общего имущественного законника Черногории хорошо изучено, о нем написаны статьи, диссертации и монографии⁵. Ученые сошлись во мнении, что это был успешный опыт использования норм обычного права. Главной заслугой Богишича считали творческое отношение к народному правотворчеству, в целом удачное приспособление его к нуждам и условиям развивающегося государства. В контексте данной работы хотелось бы отметить, что есть три способа систематизации норм права: кодификация, инкорпорация и консолидация. Первый способ подразумевает внешнюю и внутреннюю обработку актов. В ходе кодификационных работ осуществляется не только классификация норм и актов, но и вносятся изменения и дополнения, отменяются устаревшие принципы и правила, создаются новые. То есть кодификация больше всего соответствует современному комплексному подходу к развитию права. Инкорпорация — внешняя систематизация или простая классификация по предметному или хро-

нологическому признакам. Консолидация представляет собой промежуточное звено между кодификацией и инкорпорацией. Несколько нормативных актов объединяются в один, составители добиваются логической стройности путем устранения повторов и противоречий из текста. По словам самого В. Богишича, Общий имущественный законник был инкорпорацией норм обычного права черногорцев⁶. Выходит, в данном случае мы имеем дело с довольно гармоничным сочетанием нормативного и социологического подходов в понимании права. Составитель законов брал за основу веками формировавшуюся, устоявшуюся и признаваемую народом легитимной правовую практику и придавал ей форму современного отраслевого законодательства.

Наиболее важной задачей для черногорской монархии было развитие отраслей государственного и административного права. Яркой страницей в истории черногорского законодательства стали события 6 декабря 1902 г. В этот день в столице прошло торжественное собрание, на которое были приглашены почетные гости из всех областей Княжества. Также на нем присутствовали представители дипломатических миссий России, Сербии и Болгарии. Князь Никола выступил с пространной речью, объявив о кардинальных переменах в государстве⁷. Черногорцам были представлены акты о Государственном совете и княжеском правительстве, о государственных чиновниках и об устройстве судов, о гражданском и уголовном судопроизводстве («Основни државни закон о књажевској влади и државном савјету», «Закон о чиновницима грађанскога реда», «Закон о судској власти», «Закон о устројству судава у Књажевини Црној Гори», «Закон о грађанској судској надлежности у Књажевини Црној Гори», «Закон о кривичној судској надлежности»). Затем новые законы были опубликованы в специальном выпуске официальной газеты «Глас Црногорца» (1902, № 49). О том, что на эти нормативно-правовые акты обратили пристальное внимание не только в Черногории, но и за рубежом, свидетельствует тот факт, что руководители российской дипломатической миссии в Цетине сразу же выслали тексты законов в министерство иностранных дел. (Сегодня они хранятся в Архиве внешней политики Российской империи⁸.) К этим законодательным актам мы также поprobу-

ем применить нормативный и социологический подходы, чтобы оценить степень их эффективности.

С точки зрения нормативного подхода, новые правовые документы выглядели весьма солидно. Они были хорошо структурированы, разделены на части, разделы и отдельные статьи. Близкие по содержанию нормы были логично сгруппированы. Язык законодателя соответствовал уровню политической и правовой культуры черногорцев, которым предстояло выполнять установления власти. Тексты законов предельно короткие, в них нет специальных терминов и иностранных слов. Это означало, что разработчики законов учитывали уровень подготовки государственных служащих, обязанных руководствоваться вновь изданными нормативно-правовыми актами. Чиновники Княжества, как правило, были малообразованными людьми, некоторых можно назвать малограмотными. В стране не было средних и высших специальных учебных заведений, в которых управленцы могли бы получить необходимое образование. Следовательно, при составлении законов 1902 г. была использована юридическая (законодательная) техника⁹, которая соответствовала историческим условиям Черногорского княжества. Также в этом законодательстве были ярко выражены идейно-политические принципы правовой политики правящей династии, перечислены основы государственного строя, монархические ценности и установки. Например, говорится, что правительство назначается и смещается князем и лично перед ним несет ответственность за исполнение служебных обязанностей. Главная среди этих обязанностей — оберегать и постоянно повышать авторитет господаря и уважение к нему¹⁰. В законе прописано, что министерства должны «строго придерживаться бюджета и в конце года предоставлять в Главный Государственный контроль документы и счета, подтверждающие законность трат»¹¹. Упомянутый в тексте Главный Государственный контроль — орган, созданный именно для того, чтобы обеспечить финансовую дисциплину и отчетность, предотвратить незаконные траты государственных средств.

Однако когда мы переходим к конкретным положениям, записанным в правовых актах 1902 г., нормативный подход перестает работать. Сразу же обнаруживается номинальный (формальный)

характер принятого с такой помпой законодательства. В «Законе о государственных чиновниках» сказано, что за службу им положено жалование. Статья 23 поясняет, что это «систематическая оплата» труда служащих¹². Появление такого уточнения в тексте закона понятно любому исследователю, знающему реалии государственного строительства в Черногории на рубеже XIX–XX вв. Бюджета в стране не было, а главным распорядителем государственных средств был сам монарх. Ни один из шести министров (внутренних дел, иностранных дел, юстиции, финансов, военный, просвещения и церковных дел) не знал, какие именно суммы дойдут до вверенного ему министерства. Всё, чем располагала казна, князь Никола тратил по личному усмотрению. Вот типичный пример того, как он пользовался народными деньгами. В августе 1901 г. секретарь российской миссии в Цетине С.А. Лермонтов сообщал своему начальству, что вручил военному министру Черногории воеводе Пламенацу 36.889 австрийских крон, которые Россия выдавала ежегодно на содержание учебного батальона Княжества. «Офицеры означенного батальона не получали жалования чуть ли не с января месяца с.г. и ожидали с нетерпением получить хоть теперь часть причитающегося им жалования...», — писал Лермонтов. Но уже на следующий день стало известно, что 16 тыс. крон Пламенац выслал гофмаршалу княжеского двора. «Мы всё-таки думали, что остаток всей суммы будет употреблен по назначению, но оказалось, что до сих пор ни один из офицеров не получил еще ни копейки. <...> До сих пор единственный из министров — это Пламенац, который всё-таки осмеливался изредка отстаивать у князя суммы, находящиеся в его распоряжении, чего ни один из министров никогда не мог сделать. Даже митрополит Митрофан, который по своему положению, казалось бы, не только мог, но должен был бы не допускать хозяйничанья с вверенными его попечению капиталами, отдает их по первому требованию его высочеству. Так им неоднократно были передаваемы в распоряжение князя Николая получаемые из России субсидии на семинарию, а недавно, при последней поездке князя Николая в Рим, отдан весь наличный капитал монастыря в Остроге <...>. На эти деньги, как мне положительно известно, его высочество совершил свое путешествие

в Рим на крестины своей августейшей внучки»¹³. Задержки и невыплаты жалования, о которых писал С.А. Лермонтов, были хронической болезнью черногорского государства.

Казалось бы, после вступления в силу законов 1902 г. ситуация должна была кардинально измениться. Увы, этого не произошло. Очень типичный эпизод описал в январе 1905 г. в своем донесении руководитель русской миссии в Цетине А.Н. Щеглов. Ему нанес визит черногорский министр финансов Лазар Миюшкович, который спросил, будут ли присланы из России 48 тыс. рублей, которые в 1904 г. Николай II прибавил к сумме ежегодной дотации в полмиллиона рублей. А.Н. Щеглов ответил, что если император лично выделил эти деньги, то, несомненно, их приплюсуют к общей сумме выплат и будут высылать ежегодно «до тех пор, пока княжеское правительство не вызовет своими действиями каких-либо изменений в отношениях к нему России». В свою очередь, дипломат поинтересовался у Миюшкови-ча, почему он задает такие вопросы. Министр финансов ответил, что «сумма эта не значилась до сих пор в числе доходов казны и признавалась князем Николаем деньгами, лично ему принадлежащими». Далее последовало пояснение, что в бюджете 1904 г. образовался значительный дефицит, это вынудило Государственный совет просить государя отдать новую прибавку к дотации в казну. Монарх согласился, но велел уточнить, придут ли эти деньги из России. Содержание беседы высокопоставленного черногорского чиновника и русского дипломата свидетельствует о том, что нормы права, регламентировавшие работу государственного аппарата, как и прежде, не соблюдались: «Министр финансов горько жаловался на трудность вести государственное хозяйство Княжества при чрезмерных денежных требованиях князя Николая и его семьи на личные нужды». По словам Л. Миюшкови-ча, весь доход страны, включая русские дотации, равнялся трем миллионам крон, а расходы на княжеское семейство составляли 700 тыс. крон. «В этом, по мнению министра финансов, и кроется причина денежных затруднений княжества Черная Гора», — завершал свое донесение А.Н. Щеглов¹⁴. Правитель Черногории одной рукой подписывал законы о правильном расходовании государственных средств, а вторую руку запускал

в казну, беря оттуда столько, сколько считал нужным. В таких обстоятельствах исполнение закона не представлялось возможным.

Еще один красноречивый пример серьезного расхождения между буквой закона и правоприменительной практикой дает нам история черногорской медицины. По закону 1902 г. о княжеском правительстве, в структуре министерства внутренних дел было создано медицинское отделение, на которое были возложены следующие обязанности: забота о здоровье людей и домашнего скота; назначение государственных врачей, акушеров и ветеринаров; выдача разрешения на практику частным врачам; выдача разрешений на работу аптек и контроль над ними; попечение над больницами; открытие новых больниц, психиатрических лечебниц и акушерских школ, контроль над их работой¹⁵. На деле в Черногории после войн 1876–1878 гг. были один врач и одна больница, носившая имя князя Даниила I. Она была создана на базе русского военного госпиталя. После окончания военных действий российские медики вернулись на родину, а медицинское снаряжение и хирургические инструменты оставили в Княжестве. Заботу о больнице осуществляло не столько черногорское правительство, сколько Российский Красный Крест, ежегодно высылавший в Черногорию на ее содержание 2.500 рублей. Из всех уголков страны приходили в больницу черногорцы и дни напролет ждали, когда они смогут попасть на прием к врачу. В 1884 г. хирургические инструменты окончательно пришли в негодность. Тогда был составлен список необходимого для работы медицинского оборудования и передан не княжеским властям, а в Главное управление Российского Красного Креста. К списку прилагалось письмо, в котором было сказано, что без обновления инструментов невозможно проводить даже самые простые хирургические операции¹⁶. В начале XX в. ситуация чуть-чуть улучшилась. По сведениям П.А. Ровинского, много лет собиравшего и публиковавшего статистические данные о положении дел в Княжестве, в это время в стране уже работали 7–8 обученных в России медиков, на добровольные пожертвования была построена и открыта психиатрическая лечебница в Даниловграде, также славист упомянул больницу в Никшиче. В III томе его монографии «Черногория в ее прошлом и настоящем» был опубликован

государственный бюджет на 1911 год, в соответствии с которым на нужды здравоохранения были выделены 142 тыс. крон. Для сравнения, на гражданский лист черногорского монарха и содержание двора полагались 326 тыс. крон, то есть, в два раза больше, чем на медицинское обеспечение всей страны¹⁷. Даже профилактика эпидемий смертельных заболеваний, по сути, обеспечение государственной безопасности Княжества, проводилась с помощью России, а не путем реализации соответствующего законодательства. В августе 1911 г. руководство Российского Красного Креста выделило 10 тыс. франков на борьбу с холерой, которая свирепствовала в пограничных с Княжеством турецких областях¹⁸. Приведенные факты убедительно свидетельствуют о том, что выполнить предписания собственного закона властям не удавалось. Обеспечить нормально функционирующую систему медицинского и ветеринарного обслуживания населения при таком скудном финансировании было невозможно. Вóвремя изданный и необходимый закон не исполнялся.

Решительный поворот в истории черногорского законодательства произошел в 1905–1906 гг., когда страна перешла от абсолютизма к конституционному правлению. Тема черногорского конституционного права заслуживает отдельного исследования, в данной же работе сто́ит отметить только то, что политическая жизнь в стране заметно активизировалась, но процесс работы над законами мало изменился. Новые законы продолжали появляться. К 1906 г., до открытия первого парламента, правительством были изданы: Уголовный кодекс, Закон о печати, Закон о создании Экономического совета, Закон об экспроприации, Закон об устройстве Государственного совета, Закон о выборах народных депутатов, Закон о рабочем порядке Народной скупщины¹⁹. Однако правоприменительная практика и соответствие вводимых норм права потребностям и объективным обстоятельствам Черногории оставались на прежнем уровне. В качестве примера можно остановиться на уголовном законодательстве 1906 г. Объявляя в 1905 г. своим подданным о даровании конституции, князь обещал, что в скором времени будет написан и принят сборник уголовных законов. Приблизительно через год, 23 февраля 1906 г., монарх опубликовал указ о вступлении

в действие с 23 апреля 1906 г. нового уголовного законодательства²⁰. Уголовный кодекс был почти дословной копией сербского уголовного кодекса 1860 г. («Криминални (казнителни) Законик за Књажество Србију»), хотя князь Никола и обещал, что в него будут внесены поправки и дополнения, соответствующие условиям Черногории²¹. Но власть стремилась принять этот уголовный кодекс до того, как откроется первый черногорский парламент — Скупщина. Поэтому необходимые поправки практически не были разработаны. Рецепция норм сербского права в таком объеме вызвала сомнения у современников. П.А. Ровинский считал, что черногорские власти поторопились издать уголовные законы, не поработав над ними в должной мере. Он писал, что «для составления целого кодекса» времени было «слишком мало», поэтому, как ни близки были представления двух славянских народов о справедливости и правосудии, законодательство «братской» Сербии далеко не во всем совпадало с черногорскими условиями. Славист привел более десятка положений сербского уголовного законодательства (параграфы 105–144, 366, 369, 376, 381, 391), которые, по его мнению, не подходили черногорцам²². Похоже, сами руководители страны понимали, что черногорские чиновники не смогут корректно пользоваться нормами уголовного права, заимствованными у сербов. Доказательством тому служит опубликованный в официальной газете «Глас Црногорца» правительственный циркуляр, в котором давались подробные разъяснения, как применять те или иные положения закона²³. С точки зрения нормативного подхода, казалось, что князь Никола и его окружение были на высоте, обещали не затягивать с принятием нового уголовного кодекса и слово свое сдержали. Формально был сделан шаг вперед в разработке отраслевого законодательства. Но опираясь на социологический подход к развитию права, приходится констатировать, что заимствованное законодательство не могло в полной мере удовлетворить судей и граждан Черногории из-за несоответствия его содержания правосознанию населения и историческому укладу народной жизни.

Неоднозначное впечатление производит Закон о печати, вступивший в силу 1 февраля 1906 г. Начинается он с весьма либерального заявления о том, что в стране объявлена свобода

слова и печати, а каждый гражданин имеет право на публичное выражение своего мнения. Далее в тексте сказано, что в стране нет цензуры и денежных залогов для тех, кто желает заниматься издательской деятельностью (ст.1). Но уже статья 3 гласит, что издатели обязаны отправлять по три обязательных экземпляра любой печатной продукции в Государственную библиотеку, а также в столичное полицейское управление и в местные полицейские органы. Нарушителям этого предписания грозил штраф от 100 до 500 крон или арест от 10 до 30 дней за каждый не высланный номер или экземпляр. Особо строгие правила содержались в главах и разделах закона, посвященных периодическим изданиям. Ключевой фигурой, отвечающей за содержание напечатанных материалов, объявлен главный (ответственный) редактор, который должен быть у каждого издания. Эту должность мог занимать только подданный Черногории, постоянно проживавший в стране, имеющий среднее или специальное образование, не ограниченный ни в каких гражданских правах и уплачивающий сумму налогов и сборов не меньше 15 крон. Ответственному редактору должно быть не менее 30 лет. Если речь шла о политической периодике, то один человек мог быть ответственным редактором только в одном издании. Именно главный редактор в первую очередь подвергался штрафу или аресту, если суд устанавливал факты нарушений Закона о печати. Однако и другие участники издательской деятельности не были «забыты» законодателем. В последней, пятой, главе перечислены все лица, которые могут быть наказаны за нарушение Закона о печати — авторы, владельцы издательств, типографий, газет, художники и граверы, разносчики и распространители печатной продукции. В законе содержался полный перечень выходных данных, которые должны обязательно указываться на каждом издании. В случае их отсутствия грозил штраф от 200 до 600 крон или арест от 20 дней до двух месяцев (за каждый экземпляр или номер). Так что в случае неисполнения норм установить виноватых не представляло сложности.

Хотя первая статья закона содержала утверждение, что в стране нет цензуры, в целом ряде других статей говорилось о наказании за публикацию недозволенных материалов. Во-первых,

были запрещены клевета и оскорбления в адрес князя, его семьи, официальных и частных лиц. Во-вторых, — призывы к выступлению против власти с оружием в руках и подстрекательство к нарушению уголовных законов. Также не дозволялось без разрешения судов печатать информацию о ходе судебных заседаний. Запрещалось публиковать материалы о закрытых заседаниях Народной скупщины, о военных мероприятиях и передвижении войск (ст. 37). Нельзя было в печати предавать огласке содержание частных писем и телеграмм. Это запреты были понятны и в определенной мере оправданны. Самым суровым было наказание за «клевету и оскорбления» монархических институтов — виновникам грозило тюремное заключение до пяти лет. Но вместе с тем, несколько раз в тексте закона встречается выражение «кажьена садржина» (буквально — «наказываемое содержание»), причем, не уточняется, что имеется в виду. Из статьи 26 можно понять, что это унижение или высмеивание какого-либо вероисповедания или «морали», распространение «аморальных» изображений (фото, рисунков, гравюр). За публикации такого рода назначалось лишение свободы от шести месяцев до двух лет или штраф от 600 до 2.400 крон. Однако статья 25 позволяет предположить, что говоря о «наказываемом содержании», власти имели в виду и политические материалы. В ней написано: «Благопристойная критика законов и работы органов государственной власти не подлежит никаким наказаниям»²⁴. Стоит обратить внимание на расплывчатую формулировку «благопристойная критика» — закон не уточняет, где границы такой критики, и когда она выходит за рамки дозволенного. Подобная неопределенность давала возможность любые замечания и упреки в адрес властей назвать крамольными, а их авторов сурово наказывать.

В то же время законодатель становится весьма многословным и подробно перечисляет все детали, когда речь заходит о запрете каких-либо изданий, о процедуре рассмотрения таких дел в судах, о порядке обжалования этих запретов. Также подробно описаны действия в печати, которые власть считала проступками и преступлениями, перечислены все наказания, положенные за эти составы. Многие статьи Закона о печати порой больше напоминают уголовный и процессуальный кодексы. Правда, грозя

судебным преследованием и юридической ответственностью, составители закона пытались смягчить репрессивные меры оговоркой, что наказания за преступления в печати не могут быть более суровыми, чем это предусмотрено уголовным кодексом (ст. 53). В целом, при знакомстве с текстом Закона о печати создается впечатление, что никакой свободы слова в стране не было, по крайней мере, когда речь шла о политике.

Возвращаясь к вопросу о том, какой подход, нормативный или социологический, следует применить для оценки рассмотренного нормативно-правового акта, мы должны вспомнить, какие потрясения происходили в Княжестве в 1905–1908 гг.²⁵. Несколько лет продолжался острый конфликт между князем и политической оппозицией, закончившийся целым рядом драматических и даже трагических событий. Всё это не могло не отразиться на содержании закона, введенного в самый критический момент политического противостояния. Поэтому мы обнаруживаем в его тексте, казалось бы, несочетаемые положения. Нормативный подход предусматривал включение в законодательство ставших уже общепринятыми норм о свободе слова и отсутствии цензуры. Социологический подход требовал быстро реагировать на угрозы монархическому строю и в корне пресекать их. В вопросе защиты своих коренных интересов черногорский двор проявлял удивительную оперативность, быстро реагировал и находил нужные правовые рычаги воздействия на общество. В других вопросах (финансы, экономика, просвещение и медицина) черногорская элита не выглядит столь успешной.

Подводя итог, следует отметить, что сочетание нормативного и социологического подходов при изучении черногорского законодательства в начале XX в. дает возможность увидеть всю глубину общественных противоречий, которые обнаружились в процессе государственного строительства в Черногории. Законодательные работы как зеркало отражали эти проблемы. С точки зрения нормативного подхода, Княжество обзавелось необходимым для государственного управления отраслевым законодательством, составленным применительно к черногорским специфическим условиям. Эти законы носили конкретный характер, были выполнены с применением подходящей законодатель-

ной техники и, конечно, способствовали правовому развитию страны. Однако с точки зрения социологического подхода они не могли быть исполнены в полной мере, так как не соответствовали реальному уровню социально-экономического и политического развития Черногории. Их применение на практике было затруднено или невозможно. Власть как будто забежала вперед и описала в своих законах некий идеал, до которого стране было еще очень далеко. Поэтому значительная часть норм писаного права в Черногории носила формальный характер.

Примечания

- ¹ Попов А.Н. Путешествие в Черногорию. СПб., 1847; Ровинский П. Имущественный законник Черногории 1888 г. и его отношение к народной жизни и обычному праву // Юридический вестник. 1892. № 10. С. 159–174; № 12. С. 491–523; Бојовић Ј. Ступање Валтазара Богишића у црногорску службу 1893. године // Историјски записи (далее — ИЗ). 1985. № 1. С. 65–70; Живковић Д. Правно уобличавање у области здравства у књажевини Црној Гори // ИЗ. 1987. № 4. С. 129–161 и др.
- ² Законик общи црногорски и брдски / Попов А.Н. Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С. 281–301; Законик Данила Првог Књаза и Господара слободне Црне Горе и Брдах установљен 1855. године на Цетињу. О времени правления Николы Петровича П.А. Ровинский написал, что «в уголовных делах суд не имеет ничего, кроме коротенького законника князя Данилы (1855), народного обычая и личного взгляда судей» // Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. III. СПб., 1915. С. 171.
- ³ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 2. СПб., 1901. С. 373.
- ⁴ Општи Имовински Законик за Књажевину Црну Гору. Цетиње, 1888. Еще одно издание вышло в свет в 1898 г.
- ⁵ Мартиновић Н.С. Историја кодификације црногорског имовинског права. Цетиње, 1958; Луковић М.Д. Богишићев Законик. Београд, 2009 и др.
- ⁶ Пуловци С. Валтазар Богишич (к 160-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 1995. С. 133–144.
- ⁷ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. III. С. 76.
- ⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. 1902. Д. 1567.
- ⁹ Законодательная (юридическая) техника — правила, средства и приемы, используемые при выработке и издании нормативных актов и последующей их систематизации, позволяющие обеспечить совершенство законодательства.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. 1902. Д. 1567. Л. 376.
- ¹¹ Там же. Л. 377.
- ¹² Там же. Л. 383. В законе написано: «Под платом се чиновника свагда разумије систематска његова плата».
- ¹³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 75 об. –76 об.

- 14 Архивное отделение Народного музея Черногории (далее — АОНМЧ). Ф. Приновљени рукописи. 1905. Ф. LIV.
- 15 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1567. Л. 308.
- 16 АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1884. Део 2. Фас. XXXII.
- 17 *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. III. С. 498–500.
- 18 АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1911. Ф. LIVБ.
- 19 Перечень разработанных и принятых законов мы находим в торжественной речи князя Николы, произнесенной в день открытия первой черногорской скупщины // *Глас Црногорца* (далее — ГЦ). 26. октября 1906. Бр. 43.
- 20 ГЦ. 25. февраля 1906. Бр. 8.
- 21 Текст Уголовного кодекса был издан отдельной книжкой — «Кривични Законик за Књажевину Црну Гору». Цетиње, 1906.
- 22 *Ровинский П.А.* Черногория. Т. III. С. 173–177.
- 23 ГЦ. 22. априла 1906. Бр. 16.
- 24 ГЦ. 28. јануара 1906. Бр. 4.
- 25 См. об этом: *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. М., 2016.